

ББК 88.44

УДК 159.99

Образ пожилого и старого человека в представлениях взрослых 20–39 лет

В.В. Лемииш

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

The Image of the Elderly and Older Person in Cognition of 20 — to 39-year-old Adults

V.V. Lemish

F.M. Dostoevskiy Omsk State University (Omsk, Russia)

В статье анализируется специфика образов старого и пожилого человека в представлениях женщин и мужчин 20–39 лет. Представления о старшем поколении рассматриваются как важная составляющая геронтокультуры, поскольку содержание этих представлений оказывает существенное влияние на межпоколенные и межличностные отношения.

В исследовании использованы 25 психосемантических шкал, описывающих пять психологических сфер: когнитивную, эмоциональную, регулятивную, коммуникативную и духовно-нравственную. Шкалы составлены автором на основе применения метода репертуарных решеток Келли.

Результаты эмпирического исследования показали, что взрослые люди 20–39 лет достаточно хорошо дифференцируют особенности пожилого и старого человека. При этом образ пожилого человека в целом позитивен и во многом совпадает с образом взрослого человека. Образ старого человека негативен, именно он наиболее стереотипизирован. Оценки различных возрастных особенностей старого человека, как правило, лежат либо в негативной плоскости, либо, если и оценены положительно, то значительно ниже, чем у представителей других возрастных групп. Особенно ярко эта тенденция проявилась при оценивании волевых качеств.

Взрослые 20–39 лет хорошо различают образ ребенка и образ старика, что не подтверждает наличия у респондентов стереотипа «что старый, что малый».

Ключевые слова: возраст, возрастной символизм, геронтокультура, образ старого человека, образ пожилого человека.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.1-11

Современная демографическая ситуация в мире характеризуется значительным увеличением доли пожилых людей в возрастной структуре общества, что привело к целому ряду социальных, экономических, психологических проблем, проблем в области культуры, в том числе и культуры старения.

This paper analyses the specifics of images of elderly and older people in cognition of 20 to 39 year-old males and females. The perception of older generation has been considered an important part of gerontological culture, because the content of those perceptions has an essential impact on intergenerational and interpersonal relationships. The psychological studies do not highlight the comparative features of the elderly and older people.

This research uses 25 psychosemantic scales that describe five psychological areas: cognitive, emotional, regulatory, communicative and moral — spiritual. The scales are developed by the author based on the Kelly's Method of Repertoir Grates.

The results of empirical study show that adult people of 20 to 39 years of age differentiate the peculiarities of the elderly and older people well enough. The image of the elderly person in overall is positive and can be compared with that of the average adult person. The image of the older person, on the other hand, is negative and has more stereotypical features. The estimation of different aging features of old people are usually placed either at the negative side of the continuum or significantly lower than those in the representatives of other age groups when they are evaluated higher. This tendency displayed prominently during the estimation of will qualities.

The adult people of 20 to 39 years old successfully distinguish the images of the child and old person which did not confirm the common stereotype “The old and the kid are the same”.

Key words: age, age symbolism, gerontological culture, image of the elderly, image of the old people.

Представления о старшем поколении является важной составляющей геронтокультуры [1, 2]. Они оказывают влияние на межпоколенные и межличностные отношения [3–7]. Представление о возрасте — это социально-конструируемый феномен. Концепты возраста (детство, отрочество, молодость, зрелость,

старость) относятся к числу базовых концептов, участвующих в конструировании картины мира социума [8]. Возрастные стереотипы — важная составляющая возрастного символизма любой культуры: «Возрастной символизм, т.е. система представлений и образов, в которых общество воспринимает, осмысливает и освящает (легитимирует) жизненный путь индивида и возрастную стратификацию, так же универсален и одновременно специфичен, как и сами эти явления» [4, с. 93].

Возрастные стереотипы, как и все другие, обладают такими характеристиками, как упрощенность, схематизированность, эмоциональная окрашенность, устойчивость во времени. Вместе с тем они обладают и спецификой. Это связано с тем, что возрастные группы, в отличие от других групп (этнических, профессиональных, гендерных), не имеют четких границ и изменчивы во времени. Еще одна особенность состоит в том, что любой взрослый человек когда-то был ребенком и со временем станет старым. Однако «знание о предыдущем возрастном состоянии и предчувствие грядущего не избавляет человека от стереотипов, иногда еще более жестких, чем другие межгрупповые паттерны восприятия» [9, с. 13–14].

В последнее время психологи стали проявлять особое внимание к проблеме образа старости и тесно с ней связанной проблеме межпоколенных отношений [5–7, 9–15]. Выявлен целый ряд закономерностей. В частности достаточно устоявшимся в научной литературе мнением является признание того, что в общественном сознании в образе старости доминируют негативные характеристики, что нередко проявляется в эйджизме. Показано отличие возрастных гетеро- и автостереотипов людей старшего поколения: автостереотипы более позитивны, при этом в нем не только более весомы положительные характеристики, но и менее весомы негативные [6, 9]. Проводятся исследования, направленные на выявление особенностей представлений о старшем поколении в зависимости от образования, пола, места жительства (город/село) [9]. Особое направление — кросс-культурные исследования образа старости. Так, например, в исследовании И.В. Подрядчиковой [16] осуществлено сравнение образа старости в русской и казахской культурах. В исследованиях О.В. Красновой [5], Н.С. Рыбакова, Н.А. Рыбаковой [17], А.А. Смолькина [18] проанализированы особенности отношения к старым людям в различные исторические эпохи. Смысловые нагрузки концепта «старость» изучаются филологами [8].

Несмотря на явно возросший интерес психологии к проблемам старения, следует отметить, что сам этот возрастной период в научной литературе дифференцирован недостаточно. Так, и в зарубежном учебнике Г. Крайг «Психология развития», переведенном на русский язык, и в отечественной психологической энциклопедии «Психология человека от рож-

дения до смерти» под общей редакцией А.А. Реана в главах, посвященных периоду поздней взрослости, хотя и отмечается тот факт, что этот период неоднороден и выделяются в нем три (пожилой, старческий возраст и долголетие) или четыре (предстарческий, старческий, позднестарческий, дряхлость) подпериода, однако дальнейшее описание периода поздней взрослости происходит без учета специфики этих подпериодов. Вышеописанная ситуация, безусловно, связана с недостаточной изученностью данного возрастного периода в современной психологии развития.

Такое объективное положение дел сказывается и на исследованиях возрастных стереотипов. Очень часто слова «пожилой» и «старый» в научных текстах используются как синонимы, да и в эмпирических исследованиях образы пожилого и старого человека также не дифференцируются. Так, в масштабном социально-психологическом исследовании Ю.Б. Зайцевой, охватившем более четырех тысяч человек, под автостереотипом подразумевается представление респондентов от 60 лет и старше о старых людях. Правда автор оговаривает, что термин «автостереотип» используется нестрого, «поскольку об автостереотипе можно определенно говорить лишь в том случае, если индивид идентифицирует себя со «своей» группой и обособляется от других групп» [9, с. 21]. Однако это уточнение касается именно проблемы самоидентификации, но не словесного обозначения возрастного периода. В исследовании А.В. Микляевой [6] при изучении специфики различных возрастных групп как объектов и субъектов стереотипизации была выбрана процедура свободного ассоциативного эксперимента. В качестве слов-стимулов испытуемым предлагались следующие понятия: типичный ребенок; типичный подросток; типичный взрослый человек; типичный пожилой человек. Таким образом, и в данном случае изначально при описании представлений о старшем поколении не заложены дифференцирующие критерии.

Целью нашего исследования было выявление содержания социальных представлений о пожилых и старых людях у респондентов 20–39 лет. Наиболее адекватными методами исследования при постановке подобных задач являются психосемантические методы [6, 9, 19–21]. При этом, как правило, используются две стратегии: либо применяются классические методы (очень часто таковым является семантический дифференциал Ч. Осгуда), либо исследователи сами разрабатывают оценочные шкалы. В первом случае используемые шкалы, с одной стороны, обладают универсальностью, однако с другой — именно в силу этой универсальности — не ухватывают специфики описываемого объекта. Поэтому мы выбрали второй путь.

Исследование состояло из двух организационных этапов. Целью первого этапа и было создание оце-

ночных шкал. Для этого мы использовали метод репертуарных решеток Келли. Для выявления конструкторов использовался метод минимального контекста. Список элементов включал 16 позиций (при выборе элементов в значительной мере мы опирались на список ролевых персон Келли [22]). Испытуемым предъявлялось 20 триад. Выборку составили 43 человека разного возраста.

Полученные данные и легли в основу создания оценочных шкал. При этом сначала мы выделили те характеристики (сферы, психологические области, человеческие проявления), которые чаще всего использовались при сравнении предлагаемых триад. Таковых оказалось пять. В самом обобщенном виде мы их обозначили следующим образом: когнитивные, эмоциональные, регулятивные, коммуникативные и духовно-нравственные проявления. В каждой области были выделены по пять специфических шкал. Таким образом, в целом мы получили 25 оценочных шкал. Последовательность, уровень оценок и полярность шкал в созданной методике мы осуществили по аналогии с семантическим дифференциалом Ч. Осгуда.

Отобранные шкалы оценок прошли профессиональную экспертизу. В качестве экспертов выступили два доктора психологических наук, которые в своей научной деятельности активно использовали различные психосемантические методы, и два кандидата психологических наук.

После соответствующей корректировки созданной методики мы приступили ко второму этапу исследования, целью которого и было выявление содержания представлений о пожилых и старых людях.

Выборку составили 57 человек в возрасте 20–39 лет: из них 36 женщин и 21 мужчина.

Поскольку сравнение позволяет лучше понять специфику изучаемого феномена, мы просили респондентов оценить не только пожилого и старого человека, но также и взрослого человека и ребенка. При этом мы исходили из того, что образ взрослого, как правило, наделяется оптимальными позитивными качествами, поэтому его психологический портрет может выступать своеобразным эталоном. Что касается ребенка, то в данном случае мы проверяли часто используемое в нашем обществе сравнение: «что старший, что малый».

Для выявления значимости различий оценок особенностей различных возрастов был использован *t*-критерий Стьюдента. Статистическая обработка проводилась с использованием программы SPSS 10.0 [23]. Для большей наглядности полученные результаты будут представлены и проанализированы по каждому из пяти блоков последовательно.

А. Когнитивная сфера

Ребенок: у него самый современный взгляд на многие вещи (1,96) и тяга к познанию нового так-

же выше, чем у других возрастных категорий (1,81), вместе с тем ум и мудрость достаточно слабо выражены (0,44 и 0,4 балла соответственно) и еще нет тяги к духовному (–0,18).

Взрослый: самый умный из всех возрастных категорий (2), у него достаточно выражены тяга к познанию нового (1,47), современный взгляд на многие вещи (1,46) и мудрость (1,35), однако тяга к духовному выражена слабо (0,37).

Пожилой: умный (1,92), достаточно мудрый (1,44), больше чем у других выражена тяга к духовному (0,67), но тяга к познанию нового (0,48) и современный взгляд на многие вещи (0,3) выражены слабо.

Старик: относительно умный (1,28) и мудрый (0,95), тяга к духовному (0,65) сопоставима со взрослым, но при этом отсутствует желание чему-либо учиться (–0,72), новое не воспринимает (–0,89) (два последних показателя самые низкие среди других возрастов).

Обращает на себя внимание тот факт, что взрослые люди достаточно низко оценили тягу к духовности у всех возрастов, в том числе и представителей собственной возрастной группы.

Социальные представления респондентов 20–39 лет о когнитивных особенностях различных возрастных групп достаточно дифференцированы (19 значений *t*-критерия Стьюдента из 30 выше критического). Наибольшая дифференциация проявилась при сравнении оценок ребенка и пожилого человека: все значения *t*-критерия Стьюдента статистически значимы. Практически та же ситуация выявлена при сравнении оценок ребенка и старого человека. Исключение составляет шкала «мудрый / жизненный опыт устарел» (различия статистически не значимы). Следовательно, респонденты при оценке когнитивных особенностей в целом не разделяют стереотип «что старший, что малый».

Социальные представления о когнитивных особенностях пожилого и старого человека существенно отличаются по трем шкалам: у пожилого человека еще есть тяга к познанию нового, в то время как у старого человека отсутствует желание чему-либо учиться ($t=4,537$ при $p < 0,001$); у пожилого человека современный взгляд на многие вещи, старший — новое не воспринимает ($t=4,065$ при $p < 0,001$). Пожилого человека респонденты оценивают как значительно более умного ($t=2,668$ при $p < 0,01$). Иначе говоря, респонденты 20–39 лет в целом неплохо дифференцируют представителей старших возрастных групп, но при этом образ старого человека нагружен либо отрицательными, либо слабо выраженными положительными оценками, что свидетельствует о большей стереотипизированности образа именно старого человека. Оценки же когнитивных характеристик пожилого человека по трем шкалам приближаются к когнитивным характеристикам взрослого человека: они

в равной степени умные ($t=0,351$ при $p > 0,05$), мудрые ($t=-0,357$ при $p > 0,05$) и в равной степени обладают тягой к духовному ($t=-1,088$ при $p > 0,05$).

Б. Эмоциональная сфера

Ребенок: самый жизнерадостный (2,14) и эмоциональный (2,07), но и самый несдержанный (-1,63) и наименее уравновешенный (0,39). Чувство юмора выражено в средней степени (1,47). Таким образом, при описании эмоциональной составляющей образа ребенка в целом характерны крайние оценки.

Взрослый: кривая оценок эмоциональной сферы наиболее гладкая. Все оценки положительные, но их выраженность в основном средняя, т.е. взрослый — это человек в меру эмоциональный (1,16), с чувством юмора (1,21), уравновешенный (1,00), жизнерадостный (0,98), сдержанный (0,68). В целом в представлениях респондентов взрослый человек — эмоционально зрелый человек.

Пожилой: как и в случае со взрослым человеком, кривая оценок эмоциональной сферы достаточно гладкая и находится в положительной плоскости. Наиболее ярко выражена характеристика «уравновешенный» (1,44), наименее — «сдержанный» (0,46).

Старик: оценки по всем шкалам, кроме шкалы «сдержанный/несдержанный», самые низкие. Он склонен к депрессии (-0,67), не очень эмоционален (0,84) и уравновешен (0,77), чувство юмора (0,54) и сдержанность (0,23) слабо выражены.

Отметим, что взрослые люди достаточно низко оценили сдержанность у всех возрастов, в том числе представителей собственной возрастной группы.

Уровень дифференциации эмоциональных особенностей различных возрастов респондентами аналогичен (19 критериев из 30 статистически значимы). Образы пожилого и старого человека хорошо дифференцированы: сходство выявлено только по шкале «эмоциональный» ($t=0,402$ при $p > 0,05$).

Наибольшее сходство образов обнаружено при оценке взрослого и пожилого человека (всего один критерий значим: взрослый более уравновешенный, $t=-2,385$ при $p < 0,05$), а также при оценке взрослого и старого человека (два значимых критерия: у взрослого больше чувства юмора ($t=7,289$ при $p < 0,001$), он жизнерадостный, старый — склонен к депрессии ($t=5,443$ при $p < 0,001$)). Таким образом, в представлениях респондентов пожилой, так же как и взрослый, — эмоционально зрелый человек. Оценки эмоциональных проявлений старого человека несколько ниже, но в целом также позитивны (исключение составляет склонность к депрессии).

Образы ребенка и старого человека хорошо дифференцированы. Сходство выявлено по одной шкале «уравновешенность» ($t=-1,568$ при $p > 0,05$). Следовательно, респонденты при оценке эмоциональных особенностей в целом не разделяют стереотип «что старый, что малый».

В. Волевая сфера

Ребенок: с одной стороны, самый инициативный (1,67) из всех возрастных групп, но с другой — его решительность (0,89), выносливость (0,79), целеустремленность (0,77) недостаточно высоки, а настойчивость (0,04) и вовсе оказалась близка к нулю.

Взрослый: имеет самые высокие показатели по трем шкалам. Он самый целеустремленный (2), решительный (1,47), выносливый (1,4). Инициативность (1,54) и настойчивость (1,42) тоже достаточно высоко оценены. Иначе говоря, именно взрослый человек обладает наиболее зрелой волевой сферой.

Пожилой: самый настойчивый (1,79), достаточно целеустремленный (1,05) и решительный (1,02), ниже выражена инициативность (0,68). Выносливость (0,11) на низком уровне.

Старик: самые низкие показатели практически по всем шкалам. Особенно быстро устающий (-1,7), нецелеустремленный (-0,7), пассивный (-0,35), решительность (0,16) очень слабо выражена. Единственная характеристика — «настойчивый» (1,00) оценена достаточно высоко по сравнению с другими волевыми качествами, но и она выражена слабее, чем у взрослого и пожилого, и превосходит только оценку настойчивости у ребенка.

Уровень дифференциации волевых особенностей различных возрастов респондентами в целом несколько выше (21 критерий из 30 статистически значимы). Максимально дифференцированы волевые качества пожилого и старого человека, а также ребенка и старого человека.

Таким образом, с одной стороны, респонденты хорошо различают волевые проявления ребенка, пожилого и старого человека, с другой — именно волевые качества старого человека имеют наиболее выраженную негативную нагрузку.

Г. Коммуникативная сфера

Ребенок: самый общительный (1,93), достаточно интересный собеседник (1,04), миролюбивый (0,58), не очень склонен считаться с чужим мнением (0,02), при этом скорее заботится только о себе (-0,33).

Взрослый: самый миролюбивый (0,61) и больше других склонен считаться с чужим мнением (0,28), достаточно общительный (1,6), интересный собеседник (1,47), как правило, приходит на помощь другим (0,81). Некоторые оценки невысоки, но по сравнению с представителями других возрастных групп именно взрослый человек обладает наиболее зрелой коммуникативной сферой.

Пожилой: самый интересный собеседник (1,82) и больше других склонен прийти на помощь (1,12), общительный (1,25), миролюбивый (0,58) (уровень оценки данного качества практически одинаков со взрослым), но при этом склонен скорее навязывать свое мнение (-0,09).

Старик: самые низкие показатели практически по всем шкалам. Больше других склонен навязывать свое мнение (-0,4), менее других интересен как собеседник (0,82), менее общителен (0,58) и миролюбив (0,54). Реже приходит на помощь другим (0,72), превосходя в этом качестве только ребенка.

Следует отметить, что респонденты оценили достаточно низко все возрасты по шкалам «миролюбивый/конфликтный» и «считается с чужим мнением / навязывает свое мнение».

Сложнее всего для респондентов оказалось дифференцировать возрастные группы по коммуникативным качествам. Только 10 критериев из 30 оказались статистически значимыми. Особые сложности вызвала шкала «миролюбивый/конфликтный». Оценки коммуникативных качеств пожилого и взрослого человека статистически не различаются, т.е. в представлениях респондентов пожилой человек обладает зрелой коммуникативной сферой. По сравнению с пожилым человеком старый — значительно менее интересный собеседник ($t=3,382$ при $p<0,01$) и значительно менее общительный ($t=2,595$ при $p<0,01$). Оценки других коммуникативных качеств достоверно статистически не различаются.

Коммуникативные качества ребенка и старого человека также не очень хорошо дифференцированы. Сходство выявлено по трем шкалам: они в примерно равной степени миролюбивы ($t=-0,101$ при $p>0,05$), интересны как собеседники ($t=0,674$ при $p>0,05$) и скорее склонны навязывать свое мнение ($t=1,244$ при $p>0,05$). Следовательно, респонденты при оценке коммуникативных качеств старого человека склонны в значительной степени разделять стереотип «что старый, что малый».

Д. Духовно-нравственная сфера

Ребенок: больше других возрастов стремится к полноценной жизни (2,14), самый добрый (1,91), но при этом активность жизненной позиции слабо выражена (0,58), винит других в своих проблемах (-0,58), многое в жизни еще не успел сделать (-0,88). Таким образом, при описании личностных качеств ребенка в целом характерны крайние оценки.

Взрослый: имеет самые высокие показатели по двум шкалам: активная жизненная позиция (1,63), берет ответственность на себя (1,01). Стремление к полноценной жизни (1,98) высоко, но несколько ниже, чем у ребенка. Два других показателя: добрый (1,32) и добился в жизни того, чего хотел (0,26), — тоже достаточно высокие в контексте оценок других возрастов. В целом личностная зрелость в наибольшей степени приписывается взрослому.

Пожилый: добрый (1,56), стремится к полноценной жизни (1,32). Однако оценки по трем другим шкалам достаточно низкие и практически идентичные: добился в жизни того, чего хотел (0,28), берет ответственность на себя (0,29), активная жизненная позиция (0,28).

Старик: больше других возрастов добился в жизни того, чего хотел (0,74), однако по остальным шкалам оценки самые низкие. Больше других возрастов склонен плыть по течению (-1,12), винит других в своих проблемах (-0,28), наименее добрый (1,35), меньше других стремится к полноценной жизни (0,33).

Уровень дифференциации личностных особенностей различных возрастов респондентами в целом достаточно высокий (21 критерий из 30 статистически значимы). Пожилой и старый человек не отличаются по доброте ($t=0,966$ при $p>0,05$). В остальном личностный портрет пожилого человека значительно отличается от личностного портрета старого человека. В частности если для пожилого еще свойственно проявлять активную жизненную позицию, то старый человек плывет по течению ($t=5,583$ при $p<0,001$), пожилой человек в значительно большей степени стремится к полноценной жизни ($t=4,196$ при $p<0,001$), берет ответственность на себя ($t=2,206$ при $p<0,05$). Однако старый человек значительно больше добился в жизни того, чего хотел ($t=-2,062$ при $p<0,05$). Таким образом, представления о пожилом человеке значительно более позитивные, чем о старом. К тому же старый, как ребенок, склонен винить других в своих проблемах ($t=0,828$ при $p>0,05$).

Вместе с тем образ старика и ребенка статистически значимо отличаются по другим четырем шкалам, что не подтверждает наличия стереотипа «что старый, что малый».

Можно констатировать, что представления респондентов 20–39 лет о возрастных особенностях достаточно дифференцированы. Лучше всего респонденты различают образ ребенка и образ старика (19 значимых критериев из 25), что скорее не подтверждает наличия стереотипа «что старый, что малый». Хорошо различимыми также являются образы пожилого и старого человека (18 значимых критериев из 25). При этом образ пожилого человека значительно более позитивен, чем образ старого. Оценки различных возрастных особенностей старого человека, как правило, либо лежат в негативной плоскости, либо, если оценены положительно, то эти оценки значительно ниже, чем у представителей других возрастных групп. Особенно ярко эта тенденция проявилась при оценивании волевых качеств. Таким образом, именно при восприятии старого человека у респондентов проявились негативные стереотипы. Для формирования более позитивного образа необходима целенаправленная политика государства.

Минимальная дифференциация проявилась при сравнении взрослого и пожилого (девять значимых критериев из 25). Если учесть, что образ взрослого является, как правило, своеобразным эталоном для сравнения, то очевидно, что образ пожилого человека также является достаточно позитивным. По-видимому,

это отчасти связано с тем, что родители многих наших респондентов — это пожилые люди либо приближа-

ющиеся к пожилому возрасту, поэтому данный возраст оценен так высоко.

Библиографический список

1. Лемиш В.В. Геронтокультура как социально-психологический феномен // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — 2012. — №148.
2. Лемиш В.В. Феномен геронтокультуры: проблемы исследования // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — 2006. — №6(14).
3. Бочаров В.В. Антропология возраста : учеб. пособие. — СПб., 2001.
4. Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. — М., 1988.
5. Краснова О.В. История старости как история формирования аттитудов к пожилым и старикам в обществе // Психология зрелости и старения. — 2001. — №1(13).
6. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен : Ч. I [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/age>.
7. Микляева А. В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен : Ч. II [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/age-2>.
8. Крючкова Н.В. Специфика проявления концептуальных признаков в лексической системе языка и в ассоциативных связях (на материале концепта старость в русском языке) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. — 2006. — Вып. 5(56).
9. Зайцева Ю.Б. Особенности представления о старых людях в различных социально-демографических группах // Психология зрелости и старения. — 2007. — №4(40).
10. Альдохина Е.Н. Стереотипные представления детей и подростков о пожилых людях // Психология зрелости и старения. — 2002. — №3(19).
11. Глухова И.Ю., Зыкова М.Н. Специфика образа старости в различных возрастных группах // Психология зрелости и старения. — 2008. — №1(41).
12. Крайг Г. Психология развития. — СПб., 2000.
13. Радина Н.К. Возрастная динамика «образа старости» в социальных представлениях женщин // Ананьевские чтения — 2005 : матер. науч.-практ. конф. — СПб., 2005.
14. Смолькин А.А. Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России // Социологический журнал. — 2008. — №3.
15. Тукумцев Б.Г., Юсупова О.В. Отношение молодежи к пожилым людям // Психология зрелости и старения. — 2002. — №3(19).
16. Подрядчикова И.В. Социальные представления русских и казахов о старом человеке // Психология зрелости и старения. — 2008. — №3(43).
17. Рыбаков Н. С., Рыбакова Н.А. Проблема старости в историко-философском контексте // Полигнозис. — 2009. — №1(34) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.polygnosis.ru/default.asp?num=6&num2=431>.
18. Смолькин А.А. Исторические трансформации социального статуса старости // Клиническая геронтология. — 2007. — Т. 13. — №3.
19. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2008.
20. Еремеев Б.А. Уровни категоризации при понимании человека человеком и при психологическом изучении понимания // Мир психологии. — 2001. — №3(27).
21. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. — 2-е изд., доп. — СПб., 2005.
22. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методиками : пер. с англ. — М., 1987.
23. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учеб. пособие. — СПб., 2004.